

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ США И ЯПОНИЕЙ В ПЕРИОД ЗАКЛЮЧЕНИЯ «НЕРАВНОПРАВНЫХ ДОГОВОРОВ» (1854–1868)

НОСОВ
Михаил Григорьевич
член-корреспондент
РАН,
заместитель
директора
Института
Европы РАН

О тношения между США и Японией в этот период имели две главные черты. Во-первых, это было столкновение двух совершенно разных цивилизаций, находившихся на разном уровне социального и технического развития. Во-вторых, эти отношения строились на фоне серьезного политического кризиса в Японии, результатом которого стала смена политической системы и начало перехода от феодализма к капитализму.

Коммодор Перри подписал Канагавский договор с Японией¹, и теперь в соответствии с его положениями надо было устанавливать связи с далекой страной. Уже через две недели после отплытия Перри из Симода (23 июля 1854 г.) в Урага пришел американский клипер «Леди Пирс», капитан которого чисто по-американски спешил стать первым, кто начнет торговать с Японией. Его попросили направиться в Симода или Хакодатэ, где его ждало разочарование — японцы пока не собирались торговать с американцами.

В январе 1855 г. в Симода пришел американский корабль, доставивший ратифицированный Конгрессом договор для обмена его на подписанный императором аналогичный документ. Японцы заявили капитану Адамсу, что тот прибыл слишком рано, поскольку обмен ратификационными грамотами, согласно японскому тексту договора, должен произойти через 18 месяцев после его подписания. На самом деле в английском тексте договора говорилось, что «обмен ратификационными грамотами должен состояться не позднее 18 месяцев или ранее, если в этом

будет необходимость». Японцы перевели слово «within» как «через». После новых переговоров, спустя три недели договор все же был подписан *сёгуном* и обмен ратификационными грамотами состоялся.

После отплытия Адамса из Симода туда пришел еще один американский корабль. Японцы доставили на него необходимые припасы, но убедить японцев начать торговлю так и не удалось. В обратный путь этот корабль был зафрахтован Путятиным: на нем он отправился в Петропавловск-Камчатский после гибели своего судна «Диана». Было очевидно, что японцы позволяют американским кораблям заходить в Симода и пополнять запасы продовольствия и воды, но торговать категорически отказываются.

Согласно договору с Японией, подписанному Перри, американцы должны были открыть консульства в Симода на полуострове Идзу и в Хакодате на острове Хоккайдо. Первым американским консулом в Японии стал имевший опыт работы в Китае Таусенд Гаррис назначенный Конгрессом США в августе 1855 г. В инструкциях, которые Гаррис получил от госсекретаря Уильяма Марси, речь шла о получении тех привилегий, которые они должны были иметь в соответствии с подписанными договорами. В случае их невыполнения Гаррис должен был предупредить японцев, что «США потребуют эти привилегии методами, которым японская сторона не сумеет противостоять»².

В назначении Таусенда Гарриса консулом в Японию сыграли роль два фактора. Во-первых, он имел достаточно серьезные связи среди видных чиновников-демократов в Америке, а во-вторых, у него было не слишком много конкурентов: японцы с самого начала заявили, что они категорически против присутствия женщин-иностранок на своей земле, а Гаррис не был женат. Но глав-

ное — ему очень хотелось получить этот пост. В письме президенту Пирсу в августе 1855 г. он писал. «Мне хорошо понятна та социальная ссылка, в которой я окажусь в Японии и та духовная изоляция в которой я буду жить, и я готов принять это. Я холост, без связей, которые могли бы заставить меня с беспокойством думать об оставленном доме или испытывать чувство неудобства в новом доме. Сэр, вы можете быть уверены в том, что я не буду просить о поездке домой, чтобы навестить своих друзей, или подам в отставку по любой причине, вызванной нелюбовью к этой стране. Я сделаю все что в моих силах для усердного и честного выполнения своих обязанностей»³.

Сегодня можно лишь гадать о причинах того упорства, с которым Гаррис добивался назначения в Японию, однако очевидно, что одной из причин было его стремление повысить свой социальный статус. В Париже, где Гаррис остановился по дороге в Японию, он раздавал свои визитные карточки, на которых значился чрезвычайным и полномочным послом США в Японии, хотя это абсолютно не соответствовало истине.

21 августа 1856 г. Гаррис высадился в Симода вдвоем с 23-летним переводчиком голландцем Генрихом Хюскеном. Его прибытие несколько озадачило японцев. В 11-й статье Канагавского договора говорилось, что «страны готовы обменяться консульствами в случае, если обе стороны сочтут это необходимым». Сославшись на эту статью, они заявили, что японская сторона «пока еще не считает это необходимым». Если американцы рассматривали записанное в договоре лишь как обычную дипломатическую формулу, то их партнеры искренне толковали «взаимную готовность» как реальное намерение обеих сторон к принятию решения. В конце концов Гаррису разрешили жить в храме Гёкусэндзи («Храм священного

источника»), и началась длившаяся без малого два года тяжба между ним и властями Японии.

Храм и сегодня стоит на восточной окраине Симоды, и рядом находится, вероятно, единственный в мире действующий буддийский храм, где открыт небольшой мемориал, посвященный первому американскому консулу в Японии. В храме висят портреты самого Гарриса и commodора Перри, выставлены личные вещи консула и восемь томов дневника деревенского старосты, по поручению начальства в Эдо записывавшего день за днем каждый шаг дипломата. Слева от террасы храма могилы американских моряков, погибших во время экспедиции Перри, а справа похоронены три русских матроса с «Дианы», смытых приливной волной после землетрясения, обрушившейся на шлюп во время его стоянки на рейде Симода в ноябре 1854 г.⁴

Гаррис оказался в сложной ситуации. В абсолютной изоляции он должен был вести переговоры с японскими властями, которые, хотя и подписали Канагавский договор, оставались достаточно враждебно настроенными по отношению к иностранцам. Переговоры шли тяжело, и иногда Гаррису казалось, что он не сможет убедить японцев подписать торговый договор. По его оценке, для японских чиновников «правилом является обман, а правда является исключением»⁵. Для американца существовавшая в Японии жесткая, даже жестокая «вертикаль власти», непонимание японцами реалий западной дипломатии были абсолютно непостижимы, а отсюда — и не всегда верные его оценки партнеров по переговорам.

В чисто бытовом отношении консулу жилось не слишком уютно. Японцы, по традиции, сложившейся в их отношениях с голландцами, предоставили ему «временную жену», которая находилась с ним до его отъезда в 1861 г.⁶ Привык-

ший к мясу, Гаррис с трудом убедил японцев, которые в силу буддийских запретов не использовали мясо в пищу, сделать для него исключение. Это произошло в 1856 г., и в честь этого события позже токийские мясники сохранили в Симода деревянную колоду с надписью «Здесь была зарезана первая корова для еды (съедена Таусендом Гаррисом)». Консул находился под постоянным присмотром и без скольконибудь устойчивой связи с Вашингтоном. После приезда консула прошло 18 месяцев, прежде чем в Японию пришел американский корабль.

Американо-японские отношения после «открытия» Японии в 1853 г. и до Реставрации Мэйдзи в 1868 г., когда сёгунат был упразднен и власть полностью перешла в руки тех, кто выступал за модернизацию страны и расширение связей с внешним миром, развивались на фоне сложнейшей внутривнутриполитической ситуации в Японии. Одним из основных катализаторов этих сложностей было «открытие» страны американцами. «Со дня появления Перри более десяти лет наша страна находилась в состоянии неопишемого смятения. Правительство было слабым и беспомощным, не обладавшим волей для принятия решений»⁷, — писал один из видных чиновников сёгуната Кацу Ава.

После встреч с Гаррисом главный министр сёгуната Хотта Масаёси в декабре 1857 г. направил князьям-даймё и императорскому двору меморандум по итогам переговоров, в котором содержался прямой призыв к компромиссу. По его мнению, «наш долг в настоящее время следовать их желаниям в вопросах торговли и в других вопросах, откладывая конфликт из года в год, и тем временем вести военные приготовления, что не позволит им вести себя оскорбительно»⁸. Однако, будучи реали-

стом, Хотта писал: «Даже если мы сможем выполнить все намеченное, это позволит нам держать оборону только в наших водах. Война будет непрерывной и бесконечной. Мы не сможем противостоять экономической разрухе внутри страны и защитить наш народ от бремени страданий»⁹.

Как это часто бывало в японской истории, почувствовав слабость существующей власти, императорский двор начал активизировать свою политику, направленную на возвращение ему рычагов управления страной. При этом двор, наконец получивший право голоса в политике, дистанцируясь от сёгуната, выступал, хотя и достаточно сдержанно, против расширения контактов с американцами. В мае 1858 г. император направил ответ министру Хотта Масаёси: «Отношения с американцами вызывают великую печаль в нашей священной земле и тесно связаны с безопасностью нашего государства. Император остро чувствует свою ответственность перед своими императорскими предками, большинство которых покоятся в храме Исэ. Договор, подписанный несколько лет назад и открывший порт Симода, имел достаточно серьезные последствия, но Император полагает, что условия договора, предложенного теперь, сделают невозможным сохранение чести нашего государства... Император повелевает *бакуфу*¹⁰ вновь обратиться к *даймё* за консультациями и доложить о результатах двору»¹¹.

Находясь в Симода, Гаррис постоянно требовал встречи с сёгуном в Эдо, ссылаясь на необходимость передать ему личное послание президента США. Не имея ни корабельной артиллерии, ни морской пехоты, которые были основными аргументами экспедиции Перри, он постоянно намекал чиновникам сёгуната, контактировавшим с ним, что Великобритания и Франция намерены в скором времени применить воен-

ную силу против Японии. «Японию ждут неприятности, связанные с политикой Англии и других европейских стран... Президент считает, что, если Япония подпишет договор с Соединенными Штатами, другие страны последуют этому примеру, и Япония после этого будет в безопасности... По пути сюда я встретил английского губернатора Гонконга Джона Боуринга, который сказал мне, что собирается занять пост посла Великобритании в Японии, а после моего прибытия в Японию я получил от него четыре письма. Наши беседы имели приватный характер, но в своих письмах он обсуждал проблемы, связанные с правительством Японии. Он написал, что прибудет сюда в сопровождении большого флота, которого Япония еще никогда не видела, и бросит якорь в Эдо, где должны проходить переговоры»¹².

Гаррис внушал японцам, что, если договор с Америкой будет подписан, другие страны не посмеют применить в отношении Японии силу. Он угрожал сёгунату, что отправится в Киото и начнет прямые переговоры с императором¹³. Японцы, со своей стороны, пытались убедить Гарриса, что император и двор в Киото не играют сколько-нибудь существенной роли в японской политике. Как писал в своем дневнике Гаррис, чиновники сёгуната говорили, что у императора «нет денег, политической власти и ничего другого, что ценится в Японии»¹⁴.

Вместе с тем японцы, зная из собственных источников информации о происходившем в то время конфликте между китайцами и англичанами, рассказы Гарриса воспринимали вполне серьезно, особенно после того как голландский представитель в Нагасаки Донкер Куртис сообщил *бакуфу* о том, что англичане сожгли Кантон. В ноябре 1857 г. Гаррису удалось добиться приема у сёгуна Токугава Иэсада в Эдо.

Прием у не слишком дееспособного Иэсада был торжественным и пышным. Гарриса из Симода в паланкине в сопровождении большого почетного эскорта доставили в Эдоский замок, где со всеми подобающими почестями он был принят *сёгуном*. Консул передал ларец с письмом президента США *сёгуну*, которого он, не слишком разбираясь в иерархии японской власти, называл *тайкун* («великий государь»). Обратившись к *сёгуну* «Ваше Величество», он заявил: «Передавая Вам верительные грамоты от Президента Соединенных Штатов, я уполномочен выразить Вашему Величеству искренние пожелания здоровья и счастья от Президента США и пожелание процветания Вашим владениям. Для меня большая честь занять высокий и важный пост полномочного посла Соединенных Штатов при дворе Вашего Высочества. Искренне надеюсь, что моя работа в конечном итоге приведет к установлению тесных связей между нашими двумя странами на основе прочной дружбы». В ответ *сёгун* сказал, что он «рад письму, переданному посланнику из далекой страны, и рад встрече с ним, надеюсь, что эти связи продлятся вечно»¹⁵. Хотя прием и носил протокольный характер, но было очевидно, что отношение к американцу начинает меняться и руководство *сёгуната* готово к диалогу и возможным уступкам в переговорах. Находясь в Эдо, Гаррис заболел, и *сёгунат* оказал ему подчеркнутое внимание — за время его болезни жена *сёгуна* ежедневно посылала продукты к его столу.

Однако, когда главный японский «переговорщик», Хотта Масаёси, в марте 1858 г. прибыл в Киото с текстом согласованного договора, император категорически отказался его одобрить. В начале июля 1858 г. умер *сёгун* Иэсада и новым хозяином Эдо стал двенадцатилетний Токугава Иэмоти. Выдвинут он был сторонниками прагматичного отно-

шения к американцам во главе с Ии Наоскэ, который стал регентом при малолетнем *сёгуне*. Ии по своим политическим убеждениям был консерватором, но реалистом, понимающим последствия конфликта с США.

27 июля 1858 г. Гаррис встречается с чиновниками *сёгуната* и сообщает им о победе англичан и французов над китайцами и о том, что их корабли направляются в Японию. Через два дня состоялось заседание правительства в Эдо, и в тот же день на борту американского военного корабля «Поухатан», прибывшего в гавань Симода за два дня до этого, был подписан Договор о дружбе и торговле между Соединенными Штатами и Японией. Фактически решение принимал Ии Наоскэ. Обладая всей полнотой власти в Эдо, он провел чистку правительства, убрав противников подписания договора и собственных противников. Все это сопровождалось арестами и казнями. Договор был подписан без одобрения императорского двора, а посланник *сёгуната*, направленный в Киото, чтобы объяснить императору происходящее, вел себя достаточно независимо, если не сказать грубо. В ответ император отказался одобрить новый договор.

В письме *сёгунату*, направленному в феврале 1859 г., императорский двор расценил договор с американцами как «позор для нашей империи и пятно на нашей священной земле». Вместе с тем в нем говорилось: «Необходимо большее единство между двором и *бакуфу* в проведении курса на возвращение к политике прочной изоляции. Однако Император полностью понимает, что в сложившихся обстоятельствах *бакуфу* не могло поступить иначе и поэтому будет проявлять терпение в отношении случившегося»¹⁶.

Договор о дружбе и торговле между Соединенными Штатами и Японией состоял из 14 статей и вступал в силу в

июле 1859 г. Япония открывала для торговли пять портов. Договор предусматривал обмен дипломатическими представителями, а с 1 января 1862 г. — открытие американского представительства в Эдо. Япония могла закупать и строить в США военные корабли, а американский президент — выступать посредником в конфликтах между Японией и другими государствами. Американцы получали право экстерриториальности в портах и свободу вероисповедования. Статьи IV и V договора определяли правила торговли между двумя странами. Вводились таможенные пошлины, которые в первую очередь были выгодны Америке. Импортируемые товары были разделены на четыре категории. Часть их не облагалась пошлинами, на некоторые пошлина составляла 5% стоимости, на спиртные напитки — 35%, на остальные товары, куда входили практически все готовые изделия, — 20%¹⁷.

Аналогичные договоры были подписаны с Голландией, Россией, Англией (август 1858 г.), Францией (октябрь 1858 г.), Португалией (август 1860 г.). Все они, включая договор с США, получили в Японии название «неравноправных», и уже очень скоро Япония начала требовать их пересмотра. Пока же император отказывался ратифицировать эти соглашения, а ратификация была предусмотрена их условиями. Проблема была решена в лучших колониальных традициях. В июне 1860 г. два американских броненосца и один русский вошли в гавань Симода, и японцам было сообщено, что за ними идут английские и французские корабли. Под давлением столь весомых аргументов *сёгун* ратифицировал договоры без разрешения императора. Все это привело к новому обострению борьбы между *сёгунатом* и противниками «открытия» страны, которые группировались вокруг императорского двора.

После вступления Договора о дружбе и торговле между Соединенными Штатами и Японией в силу американский консул, наконец, получил право покинуть храм в Симода и переехать в фактическую столицу Эдо, где в июле 1859 г. обосновался в буддийском храме Дзэнфукудзи в районе Адзабу. По сути, это было местом первого американского посольства в Японии, поскольку в январе 1859 г. Сенат США утвердил Гарриса в качестве посланника в Японии. Там он прожил до своего отъезда из Японии в 1861 г.

В ноябре 1859 г. *сёгунат* принимает решение послать своих представителей в США для участия в церемонии ратификации договора. Первым японским дипломатическим представителем стал губернатор Канагава Сиими Масаоки, а вся делегация насчитывала свыше 80 человек. В феврале 1860 г. японские представители на борту все того же американского военного корабля «Поухатан» отбыли в Сан-Франциско.

Из Сан-Франциско делегация направилась в Вашингтон, куда прибыла 18 мая и в тот же день была принята президентом Дж. Бьюкененом. Через несколько дней состоялся обмен ратификационными грамотами. Японцы посетили Филадельфию и Нью-Йорк, познакомились с семьей Перри и 1 июля на борту американского военного корабля «Ниагара» через Атлантику и вокруг Африки направилась в Японию. Вернулись они в Иокогама только 9 ноября.

Можно представить себе ощущения японцев, которые попали в абсолютно непривычный мир с его техническими достижениями, отсутствием привычных форм вежливости, рукопожатиями и просьбами автографов. Если для американцев и европейцев, сталкивавшихся с культурами других народов давно и часто, знакомство с Японией было открытием экзотической, но все же еще

одной страны, то для японцев, которые имели весьма смутное представление о быте и жизни Запада, знакомство с Америкой и последующие поездки в Европу были настоящим культурным шоком. Однако это не мешало им внимательно наблюдать и оценивать реалии других стран. Член делегации Фукудзава Юкити, вернувшись домой, написал книгу «Жизнь в странах Запада» («Сэйё дзидзё»), которая разошлась тиражом в 200 тыс. экземпляров.

На следующий день после прибытия послы были приняты *сёгуном*. Они передали ему американские подарки, а на «Ниагару» были погружены ответные дары. Затем они нанесли визит Гаррису, поблагодарив его за организацию поездки и американское гостеприимство. Послы получили щедрое вознаграждение от сёгуна. В токугавской Японии с ее достаточно слабой денежной системой основным мерилем богатства и почета оставался рис, и губернатор Синми получил дополнительный паек в 300 *коку*¹⁸ риса в год.

Американцы, которые имели возможность общаться с японцами, высоко оценивали как успехи американской дипломатии, так и самих японцев. Один из офицеров американского корабля «Поухатан», четырежды плававший в Японию в 1857–1860 гг., писал: «Любой иностранец, посещающий Восток, должен хорошо понимать, что торговля Соединенных Штатов выросла исключительно под прицелом английских пушек, тех, что держал в море английский капитал, созданный за счет торговли с Индией и Китаем благодаря огромным коммерческим преимуществам, которые никогда и никакими усилиями не были бы достигнуты, если бы не политика британской Ист-Индской компании с ее жестокостями и угнетением... Нельзя отрицать, что политика нашего правительства в отношении Японии оказалась достаточно

успешной, предоставив нам выгодную позицию с точки зрения дипломатии, торговли и социального общения с этим интеллигентным и отважным народом»¹⁹.

Параллельно в Америку был направлен купленный у голландцев японский военный корабль «Канрин-мару» водоизмещением всего 300 т. На нем японские моряки под руководством американских инструкторов впервые за долгие годы отправились в дальнее путешествие. «Канрин-мару» вернулся в Эдо в июне после четырех месяцев отсутствия.

Подписание Договора о дружбе и торговле было важным этапом на пути развития отношений между США и Японией, однако ситуация внутри Японии оставалась крайне сложной. В марте 1860 г. был убит заключивший договор с американцами регент Ии Наоскэ, а через полгода умер и его главный оппонент в Эдо — Токугава Нариаки, непримиримый борец с иностранцами, который два года назад проиграл Ии борьбу за кандидатуру нового *сёгуна*. Теперь сёгунат и двор противостояли друг другу напрямую.

Договоры с США и европейскими державами были подписаны, оппозиция им была подавлена сёгунатом, однако с каждым днем вокруг Эдо сжималось кольцо недовольства. Князья и самураи продолжали считать, что сёгунат проявил слабость и трусость, пойдя на уступки иностранцам. Двор в Киото, понимая реальные сложности сёгуната, был готов перехватить у него власть. Прежде чем покончить с собой, убийцы Ии Наоскэ оставили записку с призывом «изгнать варваров, восстановить императорскую власть». Это лозунг превращал борьбу против иностранцев в войну против сёгуната.

Два с половиной века страна де-факто управлялась из Эдо сёгунатом Токугава, тогда как находившийся в

Киото императорский двор не имел никаких властных полномочий. *Сёгун* никогда не советовались с императорами, которые фактически с начала VIII в. не обладали реальной властью. Царствовавший во время визита Перри император Комэй вел спокойную жизнь в Киото в окружении многочисленных наложниц и о первом визите американцев в Японию узнал много времени спустя после ухода эскадры из страны. Слабость сёгуна, который впервые за долгие годы обратился за советом к феодалам и императору, была расценена как слабость центральной власти со всеми вытекающими отсюда последствиями. Правитель, не знающий что делать в сложной ситуации, всегда теряет доверие своих подданных.

Силы, действовавшие на политической арене того времени отличались сложным переплетением интересов. Существовало по крайней мере четыре действующих лица политической драмы этого времени. Прежде всего, это были американцы и наступавшие им на пятки европейцы. Запад стремился установить торговые отношения с Японией, что отнюдь не исключало его колониальных устремлений в отношении этой страны.

Со стороны Японии действовали три силы. Во-первых, сёгунат в Эдо, сохранявший фактическую власть, но ослабленный экономическими трудностями и все усиливающейся борьбой за власть. Во-вторых, императорский двор в Киото, уже много веков не обладавший реальной властью, но никогда не терявший надежд на ее возвращение. И, наконец, князя-*даймё*, не слишком любившие центральную власть и мечтавшие о большей самостоятельности. Среди правителей свыше 250 феодальных княжеств, на которые была разделена Япония, особой строптивостью отличались *даймё* самых удаленных от Эдо, а потому наиболее самостоятельных княжеств Сацума на острове Кюсю,

Тёсю на южной оконечности Хонсю и Тоса на острове Сикоку. Выступая против «открытия» страны и против сёгуна, который пустил американцев в страну, они видели в императоре своего естественного и легитимного союзника. Да и в самом клане Токугава не было единства: отношение к «открытию» страны в первую очередь определялось позициями в борьбе за титул *сёгуна*²⁰. Все три силы объединяла ненависть к иностранцам и страх перед ними. Разделяло их разное понимание опасности исходящее от «открытия» страны и лимиты использования этого фактора в своих политических интересах.

Внутриполитическая жизнь страны в 1860-е годы происходила на фоне начавшегося развития японской промышленности и торговли с «варварами». Хотя Соединенные Штаты были первыми, кто установил политические связи с Японией и подписали с ней договор о торговле, для Вашингтона проблемы связей с Японией отошли далеко на второй план. В стране шла Гражданская война (1861–1865), поэтому и Таусенд Гаррис, и сменивший его в 1861 г. Джеймс Прюин, и прибывший в Японию в 1866 г. очередной представитель США генерал Ван Валкенбург действовали во многом на собственный страх и риск.

Хотя японцы определили в качестве одного из «открытых» портов Канагава, американцы приняли решение перенести порт на противоположный берег залива, в деревушку Иокогама, которая вскоре и стала первым иностранным селтльментом в Японии, где к американцам вскоре присоединились англичане, французы, голландцы и русские. Американцы справедливо сочли, что Иокогама ближе к Эдо и там более удобная гавань для строительства порта. Японцы не возражали, поскольку через Канагава проходил оживленный тракт

Токайдо, соединявший Эдо и Киото, что создавало возможности нежелательных контактов между японцами и иностранцами.

В 1859 г. в Иокогама проживали около ста иностранцев, через два года их численность выросла до 250 человек, из которых 64 были американцами. К 1866 г. число иностранцев увеличилось до 400. Судя по описаниям, к этому времени Иокогама представляла собой рыбацкую деревню, где были построены «пять гостиниц, 25 винных лавок и бесчисленное количество публичных домов»²¹ для обслуживания преимущественно мужского населения сэттлмента. Через несколько лет ее население выросло уже до 100 тыс. и Иокогама стала приобретать черты современного города. Там появились склады, банки, церкви, гостиницы и даже бойня, которая снабжала иностранцев говядиной.

Иокогама стала ареной не только торгового, но и культурного обмена между Западом и Японией. Процесс получения знаний друг о друге далеко не всегда проходил гладко. Для японцев иностранцы все еще оставались «варварами», подлежащими изгнанию («открытие» страны и начало торговли не приносили японцам ощутимых выгод). Надо сказать и то, что в Японию, как правило, попадали отнюдь не лучшие представители западной культуры. Чаще всего это были американцы с «дикого Запада», англичане, прошедшие колониальную школу Китая и Индии, предприниматели из Франции и Нидерландов, для большинства из которых японцы были людьми второго сорта. Они привозили с собой привычку крепко выпивать, лошадей и огнестрельное оружие, любили гарцевать на узких улочках Иокогама, стрелять, при этом не только в воздух, и топтать рисовые поля, редко снимали обувь там, где это было нужно, и всячески подчеркивали

свое превосходство над туземцами²². Но как бы то ни было, Иокогама являлась основным местом культурного обмена между Японией и Западом: с одной стороны, она привлекала многих японцев, которые впитывали и распространяли как внешние атрибуты западной культуры, так и ее новые для Японии идеологические ценности, а с другой стороны, стала главным источником знаний о Японии для Запада.

Первое время основным иностранным языком для общения с иностранцами в Японии был голландский, а торговые документы составлялись на китайском языке. Постепенно все большее число японцев стали понимать упрощенный английский, китайский вариант которого называется «пиджин инглиш», а в Японии получил название «иокогамский диалект», представлявший собой грамматическую и лексическую смесь английского с японским. В 1867 г. американский миссионер Джеймс Хепбурн, обосновавшийся в Иокогама, опубликовал первый японо-английский словарь, в котором японские слова были записаны латинскими буквами. С этого момента в филологический оборот вошло понятие *ромадзи* — сочетание слов *роман*, т.е. «латинский», и *дзи* — «знак», «иероглиф»²³.

Культурное взаимодействие шло в достаточно сложных условиях. Для японцев иностранцы оставались людьми, вторгавшимися в жизнь и культуру Японии, но вместе с тем японский практицизм говорил о том, что у них можно многому научиться. Нелюбовь к иностранцам распространялась даже на их алфавит. По словам одного видного конфуцианского ученого, «их письменность путанна и непостоянна, извивается как змея или как личинки комаров, их прямые знаки — как собачьи зубы, круглые — похожи на червей, изогнутые — подобны ножкам богомола, вытянутые — напоминают змеиные следы,

похожи на высохшие кости, на сгнившую змеиную шкуру или высохшую гадюку»²⁴. Однако уже в 1865 г. в Эдо был создан Институт по изучению варварской литературы, задачей которого было изучение и перевод западных книг. Позже институт стал основой для создания Токийского императорского университета, который после Второй мировой войны потерял титул «императорский», но остался самым престижным учебным заведением Японии.

Лидирующую роль в торговле с Японией с самого начала захватили англичане с их огромным опытом освоения колоний. В 1859 г., в первый год официальной торговли Японии с иностранными державами, в Иокогама работали две американских компании, четыре английских, одна португальская и одна швейцарская. В 1867 г. число английских компаний выросло до 48, а США были представлены всего семью. С 1859 по 1866 г. японский импорт увеличился со 150 тыс. до 11,4 млн. долл., а экспорт — с 400 тыс. до 14,1 млн. При этом около 80% торговли приходилось на Великобританию²⁵.

Торговля развивалась не слишком быстрыми темпами по нескольким причинам. У японцев не было опыта в ведении широкомасштабной торговли. Они имели смутное представление о таможенной политике, тарифах и налогах, чем беззастенчиво пользовались иностранцы. В Японии соотношение между золотом и серебром было 1:5, тогда как за ее пределами — 1:15, что привело к скупке и вывозу японских монет, а это негативно сказывалось на финансовом положении Японии.

Иностранцы покупали в Японии прежде всего шелк-сырец, рис, растительное масло, воск и сушеную рыбу, что очень быстро привело к их нехватке на внутреннем рынке. В апреле 1860 г. сёгунат принял закон, по которому эти

товары могли продаваться иностранцам только через Эдо, что позволило властям балансировать внешнюю торговлю и внутреннее потребление. В стране росла безработица, стоимость риса, основного продукта питания японцев, к 1867 г. повысилась более чем в десять раз по сравнению с периодом до «открытия» страны²⁶. Однако главной причиной медленного роста торговли была неразвитость японской экономики, которая находилась в болезненном процессе перехода от феодализма к свободному рынку.

Не слишком способствовала развитию торговли и постоянная угроза жизни иностранцев. Их преследование в Японии началось в 1859 г. с убийства российского мичмана Мофета и матроса Соколова, которые пошли за покупками в Канагава и были зарублены самураями. Японцы извинились, и губернатор Канагава был отправлен в отставку. Однако террор против иностранцев этим остановлен не был. Убийства иностранцев не были массовыми, прежде всего в силу их малочисленности, но происходили достаточно систематически. Одним из самых громких инцидентов стало убийство англичанина Ричардсона, который на дороге встретил процессию с высокопоставленным чиновником и не слез с коня, за что был изрублен охраной. В Эдо был убит переводчик Гарриса, возвращавшийся вечером с приема.

Ненависть к иностранцам определялась многими причинами. Закрытая в течение столетий страна столкнулась с абсолютно непривычным — с другими нормами поведения, другими обычаями, с другой одеждой, наконец. Японцам много лет внушалось, что мир разделен на японцев и абсолютно чуждых им «варваров», которые теперь топтали священную землю их родины. Иностранцы ассоциировались с ненавистным сёгунатом, враги которого были

врагами иностранцев. В немалой степени этой ненависти способствовали и, как уже отмечалось выше, не всегда достаточно корректное поведение иностранцев. Как говорилось в статье, опубликованной в октябре 1868 г. в «Нью-Йорк таймс», «в Японии существуют сильные настроения против иностранцев, и я боюсь, что они будут только расти. Во всех своих сложностях они винят иностранцев»²⁷.

В январе 1860 г. дипломатические представители Англии и Франции предложили ужесточить меры в отношении Японии. Гаррис выступал против этого, но Госдепартамент США не поддержал его. В апреле 1861 г. госсекретарь Уильям Сьюард попросил американских представителей в Англии, Франции и России обратиться к правительствам этих стран и призвать их «провести военную демонстрацию в японских водах с целью продемонстрировать сёгунату, что западные державы решительно настроены отстаивать условия договоров с Японией»²⁸.

Ослабление власти сёгуната после «открытия» Японии американцами стало сигналом к росту недовольства в стране. Двор в Киото рассчитывал на восстановление власти императора. Богатые юго-западные княжества почувствовали возможность избавиться от власти сёгуната и получить большую автономию, к которой они стремились с начала создания сёгуната Токугава. До 1850-х годов ни крестьяне, ни купцы, ни ремесленники, ни самураи низких рангов не принимали активного участия в политической жизни, но экономические трудности привели к вовлечению их в политику. Купцы Эдо и Осака увидели в слабости сёгуната возможность укрепить свои связи с мятежными княжествами, что для них было выгодно экономически. Нестабильность центральной власти вызвала к жизни рост недовольства среди самураев низких ран-

гов и крестьян. Они требовали экономического и политического равенства. Их выступления все больше расшатывали власть сёгуната. Щекотливость ситуации усугублялась тем, что и американцы, и присоединившиеся к ним чуть позже европейцы продолжали вести переговоры исключительно со слабевшим с каждым днем сёгунатом.

Последний пытался найти компромисс с двором. В 1862 г. сёгун Иэмоти женился на сестре императора Комэй. Испытывая огромное давление двора, сёгунат направляет 16-летнего сёгуна в Киото для решения вопроса о денонсации договоров и изгнании иностранцев²⁹. При этом сёгун приехал в Киото не как уверенный в себе представитель сёгуната, а скорее как проситель. Двор осмелел и принял сёгуна достаточно холодно. Ему не присвоили придворный ранг, соответствующий его положению, что было нарочитой попыткой указать сёгуну на его подчиненное положение в иерархии власти. Двор, который теперь играл главную роль в политике, потребовал изгнать «варваров» и закрыть порты 25 июня 1863 г.

Сёгунат интерпретировал это решение как назначение даты начала переговоров с иностранцами о «закрытии» страны, а самураи Сацума считали, что это должно быть сделано именно в этот день. Береговые батареи Сацума обстреляли американский корабль «Похатан» в Симоносэксском заливе, который после этого почти год был закрыт для судоходства. В сентябре 1864 г. эскадра, состоявшая из американских, английских, французских и голландских кораблей, уничтожила форты Сацума и заставила княжество заплатить контрибуцию. В результате этих событий правители княжества, во-первых, поняли слабость своих вооруженных сил и приступили к широким закупкам иностранных вооружений, а во-вторых, фактически вышли из числа сторонников

нового «закрытия» страны, оставаясь противниками сёгуната.

Главной антииностранный и антисёгунской силой оказалось княжество Тёсю, фактически развязавшее гражданскую войну в стране. Войска княжества в 1863 г. были введены в Киото «для охраны жизни императора», но потерпели поражение от войск сёгуната, которые были поддержаны нанятой сёгуном объединенной эскадрой США, Франции, Англии и Нидерландов.

В июле 1866 г. во время посещения императора в Осака умирает сёгун Иэмоти. 28 октября 1867 г. американский консул генерал Ван Валкенбург получил из Киото копию указа о том, что 18 октября сёгуном стал Ёсинобу, но через три недели консул был извещен о том, что сёгун «не обладает полномочиями обсуждать или осуществлять действия, связанные с решением каких либо внутренних проблем Японии»³⁰. Консула посетили два правительственных чиновника, которые сообщили ему о восстановлении власти императора, хотя все иностранные дела пока остаются прерогативой сёгуна.

Совершенно очевидно, что американцы, впрочем, как и другие иностранные представители, были на стороне сёгуна, который хотя и с известными издержками, но все же поддерживал соблюдение международных договоров, тогда как императорский двор последние десять лет отличался стойкой ксенофобией. Однако разобраться во всех перипетиях японской внешней политики, которая менялась с калейдоскопической быстротой, иностранным представителям было очень трудно. Они не знали о том, что еще в октябре представители княжества Тоса направили новому сёгуну письмо с призывом передать всю власть в стране императору, поскольку «Япония должна стать равной всем другим государствам мира»³¹.

Гаррис и его преемники на должности представителя США в Японии до момента свержения *бакуфу* имели дело исключительно с представителями Эдо, стараясь соблюдать политику невмешательства во внутривластную борьбу в стране. Они исходили из того, что договоры подписаны с *бакуфу* и именно правительство является гарантом их соблюдения. Первым распоряжением американского консула Ван Валкенбурга, прибывшего в Эдо в августе 1866 г., было «запрещение американцам, находящимся в Японии, посещать места сражений с княжеством Тёсю или наниматься в армию мятежников»³². Англичане подобных запретов не соблюдали и, после того как инцидент с убийством англичанина Ричардсона был исчерпан, стали активно помогать клану Сацума. Они раньше американцев смогли разобраться в хитросплетениях японской политики. Самураи начали покупать у англичан военные суда, которые через несколько лет стали основой японского флота. Франция делала ставку на поддержку армии сёгуната.

В политической элите Японии наметился определенный переход от лозунга «изгнать варваров» к призыву «богатая страна, сильная армия». Это стало платформой для объединения бывших врагов — кланов Сацума и Тёсю, которые и стали той силой, которая в конечном итоге смогла свергнуть власть сёгуната. Этому предшествовали две войны между сёгуном и его противниками. В 1864 г. силы Тёсю потерпели поражение от армии сёгуната, которую все еще поддерживали многие княжества. Сумев перевооружить армию, получив современное оружие и заключив секретное соглашение с княжеством Сацума, войска Тёсю в 1866 г. нанесли поражение большей по численности армии сёгуната. По описанию современников, войска сёгуната были «одеты в плащи поверх доспехов и вооружены мечами и

копьями, тогда как войска Тёсю были одеты в гимнастерки с короткими рукавами и, сохраняя мечи, имели ружья»³³. Войска Тёсю были подготовлены с помощью английских инструкторов и хорошо усвоили уроки своего предыдущего поражения.

В конце 1866 г. император пригласил всех иностранных представителей в свою резиденцию в Осака, но встрече помешала его смерть в декабре того же года. Политическая жизнь была прервана пятидесятидневным трауром. Иностранные посланники все же отправились в Осака для обсуждения вопроса об открытии Хёго³⁴, намеченного на 1 января 1868 г. В апреле 1867 г. генерал Ван Валкенбург был принят *сёгуном*. Консул вернулся в Эдо вполне удовлетворенный достигнутыми договоренностями и личной встречей с Ёсинобу. В июле—августе консул посетил Нагасаки, где узнал об аресте 65 японских христиан, которые были обращены еще в XVII в. и решили выйти из подполья, расценив появление в стране иностранцев как знак реабилитации запрещенной религии. Консул выступил в их защиту, и в конечном итоге они были помилованы, хотя японские власти не отказались от антихристианских законов.

Ситуация в стране оставалась нестабильной и абсолютно непонятной для иностранцев. *Сёгун*, который практически уже был лишен реальной власти, переселился в Осака, и 16 декабря 1868 г. представители Соединенных Штатов, Франции, Англии, Пруссии и Голландии встретились с ним и зачитали ему коллективную ноту. «В правительстве Японии произошли большие перемены, но представителям договорившихся держав нет дела до того, кому принадлежит власть, лишь бы правительство держало в повиновении весь народ и готово было выполнить международные обязательства». В ответ *сёгун* объяснил причину передачи власти им-

ператору и пообещал, что страна выполнит все свои международные обязательства³⁵.

23 декабря 1867 г. американский консул приехал в Хёго, который вместе с Осака в новом году должен был быть открыт для иностранцев. В городе собрались все иностранные представители в Японии, что облегчало им общение с представителями находящегося всего в сотне километрах императорского двора.

В январе 1868 г. было создано Бюро иностранных дел при императорском дворе, и 15 января представителям иностранных держав была вручена нота от имени нового императора, где говорилось, что «отныне мы лично будем решать все дела государственные как внешние, так и внутренние»³⁶.

Хёго и Осака были объявлены открытыми с 1 января 1868 г., но уже через два дня в Киото произошел переворот и власть перешла к антисёгунским силам. *Сёгун* потерял власть и бежал из Киото в Осака, где 23 января встретился с генералом Ван Валкенбургом. Ёсинобу объяснил консулу, что готов передать всю полноту власти, включая вопросы внешней политики, императору, но только после того, как это решение будет подтверждено собранием князей-*даймё*. 26 января *сёгун* отправился в Киото для встречи с 17-летним императором Мэйдзи. По дороге на процессию *сёгуна* напали войска клана Сацума, и он был вынужден вернуться в Осака, где укрылся на американском военном корабле «Ирокез», после чего на одном из кораблей, верных сёгунату, он направился в Эдо. Фактически с этого момента он полностью потерял власть.

Власти Хёго объявили иностранным представителям, что больше не могут обеспечивать интересы и безопасность иностранцев. 3 февраля губернатор провинции покинул Хёго. Однако уже на следующий день в город вступили вой-

ска императора, что привело к вооруженным столкновениям с иностранцами. В ответ охрана консульства захватила четыре японских корабля и начала готовиться к отражению возможного нападения. 8 февраля в Хёго прибыл представитель двора, который привез послание императора. Там говорилось, о завершении правления *сёгунов*, осуждались нападения на иностранцев и давались гарантии безопасности иностранцам. Новое правительство выплатило компенсацию за ущерб, нанесенный иностранцам в Хёго. Власть императора была признана иностранными державами.

Американский консул был приглашен посетить императора в Киото. Это было ясной демонстрацией изменений в японской политике, поскольку до этого встреча «варвара» с «живым богом» была просто немыслима. Однако Валкенбург не воспользовался приглашением и направился в Эдо. Его решение было достаточно оправданным — в стране продолжалась гражданская война между силами *сёгуната* и его противниками, а в тот день, когда консул получил это приглашение, самураи клана Тоса зарубили 14 французских моряков, в Киото нападению подверглись консулы Великобритании и Нидерландов, направлявшиеся на встречу с императором³⁷.

Американский представитель в своих отношениях с новой властью проявлял осторожность, поскольку окончательный исход борьбы между *сёгуном* и императором был еще не ясен. Император вновь издал указ, осуждавший насилие в отношении иностранцев, уже ставший наказанием за преступления такого рода. Совершающие нападения на иностранцев самураи навсегда вычеркивались из родовых списков, что было для них страшнее смертной казни. Сторонники свергнутого *сёгуна* начали гражданскую войну, что заставило аме-

риканского консула 18 февраля 1868 г. провозгласить нейтралитет и отказаться передать новым властям закупленный *сёгунатом* в США броненосец «Стоун-уолл»³⁸. Корабль уже находился в японских водах, но пока на нем была американская команда. Действия консула получили одобрение Госдепартамента.

Финальным аккордом, склонившим американцев в пользу новой власти, стала прошедшая в марте 1868 г. в Киото церемония принесения императором клятвы, одним из пунктов которой было признание того, что «из внешнего мира будут заимствованы полезные сведения, и таким путем будут укреплены основы империи»³⁹.

Подводя итоги переломному периоду в истории Японии, когда с 1853 по 1868 г. под давлением Америки, а затем и других держав Запада вышло решение встать на путь модернизации, что в тот период было эквивалентно вестернизации, интересно рассмотреть несколько проблем. Могла бы Япония сделать шаг навстречу Западу без американского давления? Конечно, это произошло бы, однако американцы, несомненно, ускорили наступление этих изменений. В современном японском политическом лексиконе существует давно устоявшийся термин *гайацу*, что можно перевести как «давление извне» или «иностранное давление». Корни его уходят в период «открытия» страны, когда начавшаяся модернизация, необходимость которой ощущалась многими, но еще не принималась на массовом уровне, была на первых порах преподнесена как уступка американскому давлению. И до сих пор в японской системе принятия решений часто в качестве основания для того или иного политического или экономического шага используются требования, исходящие чаще всего от США. При этом не объясняется, что эти претензии вполне совпадают с насущными интересами

страны, которые хорошо понимает руководство государства, но еще не поддерживаются большей частью общественного мнения. Принятое решение практически приписывается невозможности противостоять иностранному давлению, что в глазах общественности снимает с государства значительную долю ответственности.

«Открытие» Японии во многом проходило по этой схеме. К началу 1850-х годов сёгунат ощущал необходимость перемен, но в то же время находился под давлением консервативных стереотипов и страхов перед неизведанным. Появление американцев стало катализатором перемен, которые вызревали в японском обществе. После Реставрации Мэйдзи в 1868 г. к власти в Японии пришли люди, имевшие опыт общения с американцами и европейцами и хорошо понимавшие необходимость модернизации страны. Возможно, вначале они и рассматривали модернизацию как необходимое условие «изгнания варваров», однако очень быстро эта цель сменилась лозунгом «богатая страна, сильная армия», а затем и стремлением стать в один ряд с ведущими империалистическими державами. Прошло совсем немного лет с того момента, когда Перри продемонстрировал японцам на пляже в Канагава достижения западной технической мысли, и уже в 1869 г. начал работать телеграф, а в октябре 1872 г. была открыта первая железная дорога между Токио и Иокогама. Отношения между странами вступили в новый период и быстро начали переходить от стадии «ученик — учитель» к более равноправным, но и к более сложным.

Примечания

¹ См.: Носов М.Г. Американско-японские отношения: начало. — Российский японоведческий журнал. 1912, № 3, с. 52–69.

² *Treaties and Other International Acts of the United States of America*. Vol. VII. Wash., 1996, с. 191.

³ *Kennedy The American Consul: A History of the United States Consular Service, 1776–1914*. N.Y., 1990, p. 118.

⁴ В этом же храме в январе 1856 г. был заключен первый русско-японский договор — Симодский трактат.

⁵ *Kamikawa Hikomatsu*. Japan–American Diplomatic Relations in the Meiji–Taisho Era. Tokyo, 1958, p. 50.

⁶ Временная жена Гарриса Окити была выбрана японскими властями за красоту, поскольку японцы считали, что мужчина не может жить один. Необычным было то, что ко времени появления Гарриса в Японии она была замужем и супружескую пару разлучили насильно. После отъезда консула, она не смогла ни вернуться к мужу, ни стать гейшей, поскольку запятнала себя связью с «варваром». В конечном итоге она утопилась.

⁷ *Sansom G.* A History of Japan, 1615–1867. Tokyo, 1977, p. 237–238.

⁸ *Select Documents on Japanese Foreign Policy, 1853–1868*. L., 1960, p. 165.

⁹ *Ibid.*, p. 166.

¹⁰ *Бакуфу* — правительство сёгуната (досл. «полевая ставка»).

¹¹ *Select Documents...*, p. 180–181.

¹² *Ibid.*

¹³ *Tyler D.* Americans in Eastern Asia., N.Y., 1979, p. 394.

¹⁴ *Cosenza M.* The Complete Journals of Townsend Harris. Rutland, 1959, p. 518.

¹⁵ *The World's Story: A History of the World in Story, Song and Art*. Boston, 1914, Vol. 1: China, Japan, and the Islands of the Pacific, p. 439–440.

¹⁶ *Select Documents...*, p. 194.

¹⁷ *Ibid.*, p. 183–189. В 1864 г. импортные пошлины были пересмотрены в сторону уменьшения, что лишало Японию значительных доходов от торговли и стало одной из причин японских требований пересмотреть договор с США и другими западными странами.

¹⁸ *Коку* соответствует 150 кг, что считалось годовой нормой потребления на человека.

¹⁹ *Johnston J.* U.S.N. Late Executive Officer of the Powhatan Being a Narrative of the Cruise of the U.S. Steam-Frigate Powhatan in the Years 1857, '58, '59, and '60 Including an Account of the Japanese Embassy to the United States Illustrated with Life Portraits of the Ambassadors and their Principal Officials, by liet. James D. Johnston, U.S.N. Late Executive Officer of the Powhatan. Philadelphia–Baltimore, 1860, p. 284.

²⁰ Начиная с XVIII в. титул *сёгуна* перестал наследоваться по прямой линии: *сёгун* выбирался из числа членов огромного клана Токугава.

²¹ *Dower J. Yokohama Boomtown. Foreigners in Treaty-Port Japan (1859–1872). Boston, 2003.*

²² См.: *Harold S.W. Foreigners in Mikadoland. Rutland, 1963.*

²³ В принципе любое японское слова или фраза может быть записаны азбукой *ромадзи*, и были предложения отказаться от иероглифов. Однако эти проекты были отвергнуты по двум причинам: во-первых, из-за наличия большого количества омонимов, во-вторых, из-за нежелания отказываться от достояния национальной культуры.

²⁴ *Jansen B.M. (ed.). Changing Japanese Attitudes Toward Modernization. Princeton, 1969, p. 57–58.*

²⁵ *Kamikawa Hikomatsu. Op. cit., p. 44.*

²⁶ См.: *Dower J. Op. cit.*

²⁷ *The New York Times. 18.10.1868.*

²⁸ *Kamikawa Hikomatsu. Op. cit., p. 47.*

²⁹ После того как *сёгун* Токугава Иэмицу посетил Киото в сопровождении 300-тысячного войска в 1634 г., продемонстрировав императо-

ру свою силу, *сёгуны* не снисходили до посещения императорского двора.

³⁰ *Treat P.J. Japan and the United States. 1853–1921. Stanford, 1928, p. 84.*

³¹ *Ibid., p. 84*

³² *Idid., p. 80.*

³³ *Ibid.*

³⁴ Старое название города Кобэ.

³⁵ Японцы о Японии. СПб., 1906, с. 134.

³⁶ Там же, с. 135.

³⁷ Стремясь уладить конфликт, японские власти выплатили французам и англичанам значительную сумму, а 20 самураев были приговорены к совершению *харакири* на глазах французского посланника. Когда девять из них вспороли живот, француз стал умолять о смягчении наказания, и остальным преступникам смертный приговор был заменен ссылкой.

³⁸ Через год, в феврале 1869 г., когда исход гражданской войны был ясен, США твердо заняли позицию поддержки императора, отказались от нейтралитета и передали броненосец императорским войскам, которые использовали его против сторонников свергнутого *сёгуна*.

³⁹ Японцы о Японии, с. 4.

